

ОБРАЗ: ЖЕСТ, СЛОВО, ШАГ...

С Евгением Иловайским я столкнулся в коридоре «Красного факела», когда он с репетиции бежал в гримерную, потому что вот-вот ему нужно было выходить на сцену. И хотя роль его в спектакле «17 мгновений весны» совершенно незначительна — буквально 2—3 минуты, но и для этой роли ему требовалось еще успеть переодеться в форму немецкого солдата и, что называется, «создать типаж».

Актер — это прежде всего профессия. И как в любой другой профессии, главное в ней — труд. И как в любой другой, в ней не обходится без вдохновения, без творчества. Вот почему я утверждаю, что из-за кулис спектакль видится совсем не так, как из зрительного зала. На месте театральной администрации я бы разрешил зрителям свободный доступ в рабочие помещения. Потому что здесь чувствуется,

что работа над спектаклем — это именно РАБОТА.

Но это — тема для отдельного разговора. А мы начали говорить о Евгении Иловайском. Когда я зашел к нему (свой эпизод артист уже провел), то увидел его в обычной нашей современной одежде. Обычного, современного человека.

— Практически в театре нахожусь безвылазно. Разве что только не ночью. Репетиции, спектакли. Спектакли, репетиции... Утренние, дневные, вечерние. Иногда — ночные.

— Почему стал актером? Я не знаю. Честное слово. (Ни в позе, ни в словах, ни в интонациях — даже намек на риторику нет. Все обычно. Даже

буднично). Собственно, я не выбирал, как другие, — кем быть? Может, как-то повлияло то, что мой отец — Серафим Дмитриевич — был одно время директором и художественным руководителем «Красного факела».

Слова Евгения звучат немного глуховато. Профессиональная привычка: беречь голосовые связки, если ты не на сцене, где голос надо форсировать.

— Но, думаю, это все-таки не было решающим, — продолжает артист. — Ведь бывает же, что с детства человек рисует или играет на флейте, или любит решать головоломки, а затем становится художником, музыкантом, математиком...

Призвание? Что ж, наверное. Если не колебаться при выборе профессии, а просто посвятить себя любимому занятию, вероятно, именно это и называется призванием. Еще в школе Евгений участвовал в драмкружке. Одни, без всякого руководства, ребята сами выбирали драматургический материал, сами распределяли роли, сами ставили, сами играли. Так вот и выступали на различных смотрах, завоевывали награды...

— Только костюмы брали в театре, — уточняет Евгений. — Сейчас из членов нашего тогдашнего драмкружка Саша Кондаков — актер Волгоградского драматического театра. Толя Митников уже окончил театроведческий факультет

ГИТИСа, работает в Московской государственной филармонии.

Добавим к этому, что сам Евгений окончил Новосибирское театральное училище в числе первых его выпускников.

Да, это призвание. Ведь в конечном итоге не важно, как человек выбрал себе дорогу в жизни, гораздо важнее — как он относится к своей работе, что сделал в этой области.

...«Красному факелу» — пятьдесят лет. Было бы заманчиво назвать Е. Иловайского ветераном коллектива. Но, увы, он сам чуть ли не в два раза моложе театра. А впрочем, почему «увы»? За шесть сезонов сыграно около тридцати ролей. И среди них такие по-настоя-

щему большие творческие удачи, как Дон Кихот в спектакле по пьесе Коростылева «Дон Кихот ведет бой», князь Курбский в «Борисе Годунове», слуга Леонид в «Собаке на сене» (кстати, это была первая роль Евгения в «Красном факеле», когда он был еще студентом театрального училища), Дробязгин в «Варварах», Дивана «В ночь лунного затмения» Мустафа Карима.

— Самому мне больше всех нравится Дивана, — говорит Евгений. — Вообще люблю роли острохарактерные, с четким рисунком, глубоко психологичные. В этом смысле нравится работать над образом Кулигина в «Грозе», которая готовится к премьере. Талантливый

русский самородок (ведь Островский недаром дал ему фамилию, созвучную с «Кулибин»), с какой-то, я бы сказал, сумасшедшинкой, одержимый своими идеями — ведь здесь богатейший материал для работы!

— А вообще-то, — продолжает актер, — мечтаю сыграть Фому Опискина. Все-таки Достоевский — это... дух захватывает! Как он все рвет, выворачивает докапываясь до самого основного, исконного!..

— Женя интересно работает над ролью. — рассказывает его товарищ сосед по гримерной Михаил Стрелков. — У каждого своя метода. Один перепробует массу вариантов, пока не остановится на одном. Другой сразу делает готовую, внешнюю форму потом уже наполняет ее содержанием. Иловайский работает кропотли-

во, стежок за стежком, реплика к реплике, жест к жесту. Незаметно, по кусочку, по крупинке, глядишь — и перед тобой уже готовый образ. Цельный. Завершенный. Логичный. Поэтому Жене на сцене веришь. Наверное, ему здорово помогают наблюдения из жизни, сценки, подсмотренные через объектив. Ведь он — фотолюбитель. Причем не просто — лишь бы «щелкнуть», а ищет кадр. «Хобби» у него свое тоже есть — любит коллекционировать фотоаппараты.

Я представляю его на сцене. Не в спектакле, а во время репетиции. Наверное, он работает вот так же, как и разговаривает сейчас: естественно, без натуги, без ужимок и криков. Не легко и беззаботно, но уверенно и спокойно. Потому что это — ЕГО дело.

В. ИВАНОВ.